An illustration of two boys and a dog. One boy is standing and leaning forward, wearing a striped shirt and dark pants. The other boy is sitting on the ground, wearing a brown shirt and light pants, holding a leash. A light-colored dog is walking towards the right. The background is a plain, light brown color.

Виктор
Бороздин

ЛИПКА
И
ЛАПКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

Цена 10 коп.

Листа 7 к.

Виктор
Бороздин

ЛИПКА
И
ЛАПКА

Рассказы

Издательство „Детская литература“
Москва 1968

От автора

Мальчишкой я жил в деревне. Для нас, деревенских ребят, самым любимым развлечением было бегать на «чугунку» встречать поезда. «Чугункой» мы называли железную дорогу. Она проходила всего в километре от нас.

Хотя мы точно знали, когда какой поезд пройдёт, мы всегда прибегали намного раньше. Не то что боялись опоздать, просто нам не терпелось поскорее побывать там, вдохнуть удивительно «вкусный» запах мазута и угля.

Поезд накатывал стремительно. Нас обдавало волной пара и дыма. Мимо проносились вагоны.

«Москва—Севастополь»,— читали мы. До самого моря!

Мы бы отдали всё содержимое наших карманов, лишь бы очутиться в этом поезде и ехать далеко-далеко, на край света! Но поезд проносился мимо. Паровоз уже гудел за поворотом, а мы всё ещё стояли на откосе и смотрели ему вслед.

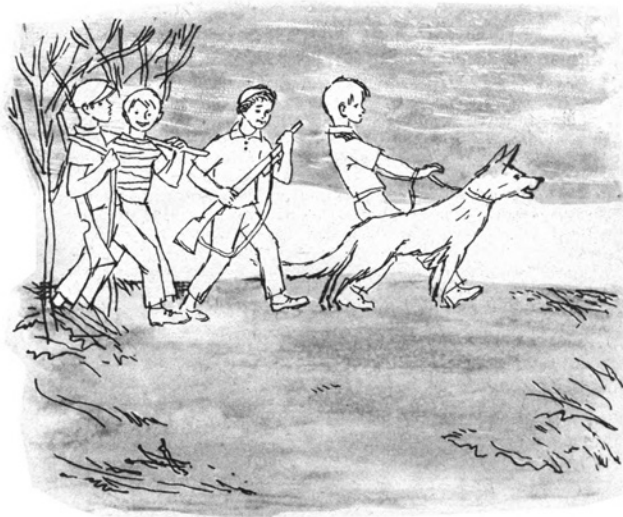
Став взрослым, я исколесил почти всю нашу страну. Побывал в жарких степях Заволжья и на Крайнем Севере. Был на Чёрном море, на Азовском, Балтийском, Белом... И повсюду я видел ребят, таких же непосредливых, какими когда-то были я и мои сверстники.

Стоя на берегу моря, они жадными глазами провожают теплоходы, которые уходят всё дальше к горизонту. Или, прилипнув носом к оконному стеклу вагона, неотрывно глядят на бегущие мимо поля, перелески, домики...

Многие хотят знать ребята, многое хотят увидеть — то, чего ещё ни-когда не видели.

И если ты, мой юный читатель, тоже любишь мечтать и стремишься ко всему неизвестному, ты подружись с Минькой из рассказа «Липка и Лапка», с Славкой, Андреем и Вадькой из рассказов «В шторм», «Корабельщики», «С рыбаками», и с другими ребятами, о которых я рассказываю в этой книжке.

Рисунки Б. Карпенко

ВОВКА-ПОГРАНИЧНИК

Вовка живёт в пограничном городе.

Вовке восемь лет. Он сероглазый, с виду озорной. Отец у него командир, пограничник. Вовка и себя считает пограничником и одно время даже носил сержантские погоны. Такие бывалые пограничники, как ефрейтор Гордиенко и старшина Шерстнёв, при встрече с Вовкой вскидывали ладонь к козырьку и громко приветствовали:

— Здравия желаем, товарищ Вовка!

— Здравствуйте! — лихо отвечал Вовка.

Так было. Сейчас на Вовкиной курточке остались чуть видные метинки от погон... Впрочем, я расскажу всё по порядку.

Случилось это, когда Вовкин папа уехал в командировку.

После обеда Вовка собрался идти на улицу. Он достал свой пистолетик, щёлкнул им раз-другой — просто так, для проверки. Щёлкнул возле самого уха Димки, своего старшего брата, но тот даже не обернулся — Димка бы очень занят, он возился с красками, собираясь рисовать.

«Эх ты, всё картиночками занимаешься!» — подумал Вовка.

— Дон, за мной! — крикнул он и вместе с собакой сбежал по лестнице вниз.

Вовкин Дон — не какая-нибудь дворняжка, а настоящая овчарка, большая и умная. Вовка и Дон были друзья и почти никогда не расставались.

У ворот их уже ждали ребята — Вовкино войско: Петька Цыбуля, Лёвка Сизый, Юрка Сужиков. У всех были самодельные ружья, а у Петьки даже пулемёт — деревянная трещотка.

— А где Гаврюхин? — спросил Вовка.

— Сейчас придёт, за спичками побежал.

— Серебряные бумажки принесли?

— Принесли.

— Покажите, у кого сколько есть.

Все достали из карманов серебряные бумажки от конфет.

— Хорошо, — сказал Вовка. — Пошли в сад.

По дороге их догнал запыхавшийся Гаврюхин.

— Ну, принёс спички? — спросил Петька.

— Принёс. Во, сухонькие! Под крыльцом прятал.
— А бумажки?
— Какие бумажки?
— Как какие? Тебе же говорили — серебряные, от конфет.

— Не-е, я забыл...

— Эх, ты!

— Ну ладно,— сказал Вовка,— идите все сюда.

Ребята собрались в кучку и стали о чём-то шептаться. Даже Дон присел рядышком и, наострив уши, внимательно слушал.

— А теперь,— уже громко сказал Вовка,— Петька, Юрка и Санька Гаврюхин, пойдёте в наряд. И смотрите в оба. Чуть что — сигнал!

— Это мы знаем,— сказали ребята. И, взяв ружья наизготовку, крадучись разошлись в разные стороны.

— За мной! — сказал Вовка Дону и вместе с Сизым направился к развалинам старой беседки.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в саду никого нет, они отвалили два кирпича из фундамента и, засунув руки в отверстие, стали оттуда что-то доставать и распахивать по карманам. Когда карманы наполнились, кирпичи поставили на место.

— Зовём ребят,— сказал Вовка. И, сунув два пальца в рот, резко свистнул.

Тотчас с трёх сторон раздался ответный свист. Вскоре все были в сборе.

— У меня никого не было,— щёлкнув голыми пятками и отдавая честь, доложил Юрка.

— И у меня,— сказал Санька,— только кошка пробежала.

— А у меня Маринка и Галка хотели пройти сюда,— ска-

зал Петька,— а я в них из пулемёта... Тра-та-та-та! — И он крутанул трешотку.

— А они? — спросил Сизый.

— А они показали язык и убежали.

— Пошли,— сказал Вовка.

И отряд гуськом отправился по узенькой тропке между зарослей слив и черешни в дальний угол сада.

Тут было очень удобно. С двух сторон загораживал забор, а с третьей — заросли смородины. Дона Вовка оставил на тропинке.

— Сиди здесь,— сказал он,— и никого не пропускай.

Дон сразу всё понял и послушно улёгся, положив на лапы умную голову.

За кустами, где скрылись ребята, сначала было тихо. Лишь изредка слышался шёпот:

— Ты не так!..

— А так не загорится!..

— Петь, ты посматривай.

— А там же Дон.

— А ты всё равно посматривай.

И снова тихо. Ребята старательно что-то мастерили.

Вдруг чиркнули спички.

— Огонь! — крикнул Вовка.

И все крикнули:

— Огонь!!

Что-то зашипело, и в воздух, поблёскивая серебром и оставляя дымный след, полетели маленькие ракеты.

— Ура-а! Победа-а-а!! — закричали ребята.

— Смотрите, смотрите, выше забора!

— Ого, как крутится, видали?

— Вов, давай ещё пустим,— просил Санька.

Вспыхивали спички, и ракеты, дымя и крутясь, летели во

все стороны. Сразу неприятно запахло. Дон недовольно заворчал и даже чихнул, но с места не сошёл.

— Огонь! Огонь! — кричали ребята в азарте.

Трещал Петькин «пулемёт»; бах-бах! — щёлкал пистолет. И новые ракеты летели в воздух.

А в это время на тропинке никем не замеченный появился Димка. Он подошёл к Дону, ласково потрепал его по шее, и Дон уступил ему дорогу — ведь Димка был свой.

— Атае! — вдруг закричал Юрка и пронзительно засвистел. Но было уже поздно.

— Чего это вы тут делаете? — спросил Димка, выходя из-за кустов.

— Ничего, — ответили ребята, поспешно запихивая в карманы спички и оставшиеся ракеты.

— Ух, сколько спичек нажгли! — Димка огляделся. — И бумажек... А это что?

Димка поднял ракету. Она случайно закатилась под лопух, второпях ребята её и не заметили.

— Это просто так, — сказал Лёвка и хотел было отобрать у Димки ракету. Но Димка не дал.

— Она знаешь как летает!.. — сказал Санька.

— Молчи! — толкнул его Юрка.

— Это ракета, что ли? — удивился Димка. — А что внутри?.. — Он развернул. — Порох? Откуда вы взяли?

— А тебе какое дело? — сказал Вовка.

— Нет, правда, ребята, где вы взяли? Это же артиллерийский порох, видите — кусочками...

Все молчали.

— Вы же без глаз можете остаться, если взорвётся! Вы что, не понимаете? — завокнулся Димка.

Вовка только пожал плечами. Димку, хоть он и был стар-

шим, Вовка считал недотёпой, в своё «войско» не принимал и слушаться его не считал нужным.

— А ну выкладывайте всё, что у вас есть,— сказал Димка.

— Как бы не так!

— Да вы что, соображаете или нет?! Это же порох! Ну вот что,— сказал он Вовке,— не хочешь мне, отдай маме. Даю сроку десять минут.

Димка повернулся и пошёл.

Ребята с минуту молчали.

— Ишь чего захотел — отдать! Дурачков нашёл! — сказал Петька.

— А ты чего смотрел! — накинулись на него ребята. — Тебе же поручили...

— Ну да, вы будете ракеты запускать, а я — смотри! — оправдывался Петька. — Разве я знал, что Димка придёт? Если бы другой кто — Дон не пропустил бы.

— Ты не сваливай на Дона. Вот теперь Димка расскажет всем.

— Вов, а может, отдать? — сказал Санька.

— Ни за что.

Димка ждал не десять и не пятнадцать минут, а больше чем полчаса. Но Вовка всё не шёл. И Димка не знал, что делать. Самому рассказать маме? Но тогда он будет ябедой. Не говорить? А что, если ребята покалечатся? И он решил сказать, потому что с порохом шутки плохи.

Вовку тут же загнали домой.

— Ты где взял порох? — спросила мама. — Кто тебе дал? Вовка молчал.

— Говори, откуда у тебя порох? Ты что, хочешь остаться калеккой?! Это же артиллерийский порох. Вы что, нашли снаряды? Разряжаете их? Ведь они могут взорваться.

Вовка молчал.

— Тебе что ж, никого не жалко? Почему ты не хочешь сказать, где вы нашли снаряды?

Вовка по-прежнему молчал.

Мама то ласково уговаривала его всё рассказать, то, не выдержав, начинала сердиться и грозила побить, то снова со слезами на глазах умоляла.

— Ты пойми,— говорила она,— если снаряды взорвутся, вы все погибнете или станете калеками. А если они взорвутся возле домов, то погибнет очень много людей.

Вовка молчал. Ну как он мог рассказать, если он первый дал ребятам клятву молчать!

Неделю назад они играли в саду. Нечаянно ковырнув палкой землю, Вовка наткнулся на что-то твёрдое. Разгрёб, а там что-то железное, круглое... Мина! Вовка сразу понял. Сизый тоже сказал, что это мина.

Они стали ковырять дальше. Ещё мина... Ещё и ещё... А потом пошли снаряды.

Ребята сначала не знали, что с ними делать. А потом решили поискать— может, где и пушка завалилась. Вот тогда они бабахнут из неё!

— Только чок-молчок! — сказал Вовка.— Никому не рассказывать.

— Ну конечно! — согласились ребята.

— Давайте поклянёмся.

— Клянёмся! — сказали они все вместе.

Потом искали пушку, но нигде не нашли. И вот тогда Сизый предложил разрядить снаряд и выковырять из него порох. У Лёвки отец тоже был военный — артиллерист. Лёвка знал, как это надо делать.

Порох они спрятали в укромном местечке. И вот теперь всё это надо отдать. А главное — клятва! Что скажут ребята?!

А мама всё пыталась. Пробовал уговаривать и Димка,

но Вовка и смотреть на него не хотел. Сказали родителям других ребят, но и те ничего не могли добиться. И Лёвка, и Петёнка, и Юрка, и даже Санька Гаврюхин упорно молчали.

Допоздна билась с Вовкой мама. Она совсем измучилась, да и Вовка тоже. Было уже три часа ночи. Наконец мама сказала:

— Ну хорошо, не говори... не говори... Я попрошу Дона, он мне покажет. Потому что Дон умный, он всё понимает.

Услыхав своё имя, лежавший на ковре Дон встал и сделал несколько шагов в их сторону, словно желая сказать: «Искать? Я готов!»

Вовка исподлобья посмотрел на него. Дон действительно был умный, хоть и старый пёс. Прежде, когда он служил на границе, он задержал не одного нарушителя, а о его умении ходить по следу Вовка много раз слышал и от отца, и от других пограничников. Теперь Дон просто доживал свой век у них в доме. Но если его попросят отыскать Вовкин порох и снаряды, он пойдёт и отыщет. Обязательно отыщет!

— Пожалуйста, молчи,— сказала мама и вышла на кухню.

Вовка слез с дивана и подошёл к Дону. Он очень любил его. Но тем обиднее ему было сейчас. И, глядя в грустные и удивительно добрые собачьи глаза, Вовка тихо, но с большой горечью сказал:

— Эх ты, предатель!..

И хотя Дон никогда не предавал ни Вовку, ни Вовкиного отца, ни других пограничников, да и не собирался предавать, он не обиделся на Вовку, а потянулся к нему, чтобы лизнуть его в лицо. Но Вовка только отмахнулся и снова сел на диван.

Вошла мама.

— Ну, Дон, дружище, пойдём искать Вовкины снаряды.

Вовка тяжело вздохнул и сказал:

— Они в саду, у орехового дерева.

— Где же там? — восторгалась мама.

— В земле. Палкой ковырнёшь и увидишь. А порох под старой беседкой.

Утром приехал отец. Прибыли сапёры. Они специальными щупами обшарили весь сад и вытащили из земли более двухсот мин и снарядов, оставленных здесь фашистами во время Отечественной войны. Потом пришли грузовики, на которых были мягкие подстилки. Снаряды осторожно положили на них, и грузовики тронулись.

Они ехали очень медленно. Водители вели машины так, чтобы их ни разу не тряхнуло ни на одной колдобинке. От малейшего толчка снаряды могли взорваться сами по себе. Ведь они пролежали в земле двадцать лет.

Ни Вовке, ни другим ребятам так и не удалось посмотреть, как вывозили снаряды, потому что не только детям, но даже взрослым не разрешалось быть на тех улицах, по которым везли страшный груз. И всех жителей ближайших домов на это время попросили уйти куда-нибудь подальше.

Снаряды и мины вывезли за город, сложили в овраге и взорвали. Грохнуло так, что слышно было во всём городе. И тогда все облегчённо вздохнули. Фашистский склад боеприпасов был обезврежен.

А потом у Вовки с отцом был разговор — как у мужчины с женщиной.

— Ну, сержант Вовка, — сказал отец, — докладывай, что у вас здесь произошло.

— Пап, я больше не буду, — сказал Вовка.

— Сейчас я тебе не папа, а твой старший командир. И когда докладывают, стоят по стойке «смирно».

Вовка вытянулся.

— Ты понимаешь, что ты мог натворить?
— Понимаю.
— Что?
— Снаряды могли взорваться.
— А что ты должен был сделать, когда нашёл снаряды?
— Прийти и сказать тебе.
— А если меня нет?
— Маме или дяденьке Гордиенко, а ещё старшине Шерстнёву...

— А ты молчал?
— Молчал.
— Даже, когда тебя спрашивали, упирался. А знаешь ли ты, сержант Вовка, что ты нарушил воинский устав? И что за это тебя надо бы судить?

Отец прошёлся по комнате.

— Но ты маленький — значит, тебя надо бы выдрать как следует. Но и тут за тебя нашлись заступники.

Вовка вопросительно посмотрел на отца. Ему хотелось знать, кто за него заступается.

— И мать, и Димка, и этот твой Гордиенко. Остаётся одно... — продолжал отец.

Вовка ждал, по-прежнему стоя «смирно».

— Придётся разжаловать тебя.

Вовка сразу понял, что «разжаловать» — это значит, что он больше не пограничник. Это было самое тяжкое для Вовки наказание. Уж лучше бы отец выдрал его!

Пока Вовку отчитывали, он крепился. Но когда отец достал из ящика стола бритву и стал срезать с Вовкиной курточки сержантские погоны, Вовка не выдержал. Губы его задрожали, а из глаз выкатились слезинки.

— Вот и всё, — сказал отец, убирая в стол и бритву, и Вовкины погоны. — Теперь иди.

...До сих пор в городе никто не знает об этом разговоре отца с сыном. Мало кто знает и о том, как всю ночь мама пыталась у Вовки его тайну. Просто все благодарны Вовке за то, что он нашёл немецкий склад боеприпасов и отвёл от них очень большую беду.

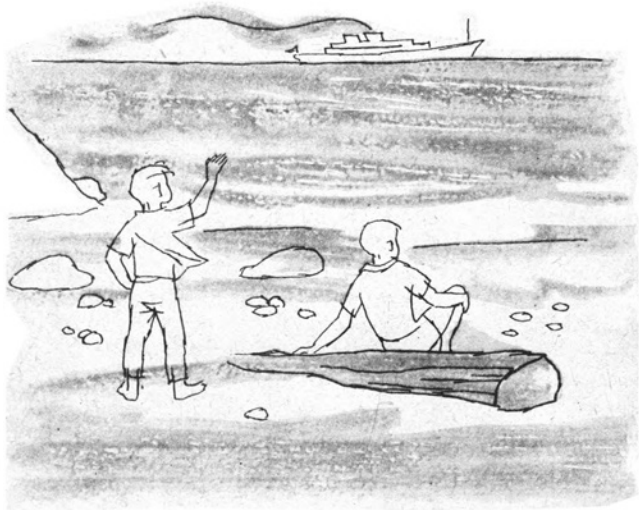
Ефрейтор Гордиенко и старшина Шерстнёв при встрече с Вовкой, как и раньше, вскидывают ладонь к козырьку и громко приветствуют:

— Здравия желаем, товарищ Вовка!

И только сам Вовка старается бочком-бочком проскользнуть мимо. Это верно, что он нашёл снаряды. И всё же он знает, что погоны снял с него отец не зря.

С Доном Вовка по-прежнему дружен. И любит его даже ещё больше. А почему бы его не любить? Ведь старый Дон, кроме добра, ничего не сделал.

В ШТОРМ

Когда море шумит, оно сердится; когда море молчит, оно ластится. А когда по нему просто бегут волны, вот как сегодня, то не поймёшь, какое оно...

Ещё совсем рано, июльское солнце только что вылезло из-за горы, но на берегу уже двое мальчишек. Это братья Савушкины: старший — одиннадцатилетний Андрей — сидит на огрызке бревна, выброшенного на берег морем; младший —

шестилетний Славка — стоит рядом, засунув руки в карманы штанов. От утренней свежести Славке немножко зябко, и он ёжится, отчего ужасно походит на цыплёнка, только что вылупившегося из яйца, — такой же светлоголовый и так же удивлённо смотрит на всё вокруг.

Мальчики глядят на море. Там должен пройти большой белый, словно слепленный из снега, теплоход. Он проходит каждый третий день. И каждый третий день Андрей и Славка встают чуть свет и приходят сюда на берег, чтобы ещё и ещё раз взглянуть на него. Но сегодня теплоход что-то задерживается. А может, они пришли слишком рано?

Андрей берёт щепку, рисует на песке. От выпавшей ночью росы песок немного влажный, и рисунок на нём получается чёткий. Три, четыре палубы, — корабль на песке растёт быстро, он как огромный дом. Круглые окошки-иллюминаторы — точки, много-премного точек. Чем больше точек, тем больше комнат на корабле — кают. В каждой каюте пассажиры. Но их не видно, они ещё спят.

— А где мы будем жить? — спрашивает Славка и подсаживается рядышком.

— Вот здесь, наверху, — говорит Андрей, — отсюда всё видно.

То, что братья обязательно поплывут по морю, они давно уже решили. Поэтому они и приходят сюда, чтобы не прозевать «свой» теплоход.

Увлёкшись рисунком, они не сразу заметили, как теплоход вышел из-за мыса.

— Идёт, — вдруг сказал Андрей.

— Идёт, идёт! — закричал Славка и замахал руками.

На этот раз теплоход шёл далеко от берега, и его трудно было разглядеть. Эх, если б он завернул сюда! Остановился

бы на минутку, и строгий капитан крикнул бы им: «Ну, чего стойте, садитесь!»

И они сели бы и поплыли далеко-далеко, в неведомые края... Но теплоход не повернул к ним. Мальчики провожали его взглядом, пока он не скрылся совсем из виду. Тогда Андрей снова сел на огрызок бревна и стал дорисовывать корабль.

— А Вадька скоро придёт? — спросил Славка и посмотрел на тропинку, по которой они пришли.

Андрей тоже обернулся, но своего приятеля Вадьку там не увидел.

— Придёт скоро, — ответил он.

Корабль на песке вырос ещё на одну палубу, появилась высокая мачта, а на ней красный флаг. Если бы посмотрел кто-нибудь другой, то сказал бы, что флаг песочный, но для Славки и Андрея флаг был красный, а корабль белый.

Андрей стал выводить название корабля. Славка не умел читать и стал смотреть на волны. А те по-прежнему бежали одна за другой. Добравшись до берега, они накатывались на него, шипели, пенились, на секунду замирали, словно обрадованные, что не нужно больше никуда торопиться, но тут же спохватывались и спешили обратно в море.

Славка потрогал воду.

— Э Андрей, окупнёмся? Или будем ждать Вадьку?

Андрей не спеша дописал название корабля.

— Ну что ж, окупнёмся, — ответил он.

Славка сбросил с себя одежду и побежал к воде.

— Без меня не лезь, — предупредил Андрей.

Славка остановился. Ну, не то что послушался брата, а просто загляделся на большую волну. Столкнувшись с другой волной, бегущей уже от берега, она схватилась с ней бороться.

— Так, так! — кричал Славка. — Дай ей подножку!

И волна подмяла под себя другую и подкатилась к самым Славкиным ногам.

Смотреть, как борются волны, было очень интересно, но лезть самому в эту драку Славке почему-то не хотелось. А тут ещё чайки — они неслись над самой водой и что-то кричали. Славке показалось, что они кричат ему: «Не лезь, не лезь, ты же не умеешь плавать! Плохо будет!»

И Славка, наверно, не полез бы. Ведь в такие волны он ещё ни разу не купался. Но тут подошёл Андрей и взял его за руку.

— Пошли,— сказал он.

Рука у Андрея сильная, да и сам он сильный. С ним не пропадёшь.

Сначала идти было легко, потому что было неглубоко. Но потом набежала волна и остановила их. Они подождали немножко, и, когда волна побежала назад в море, Андрей крикнул:

— Бежим!

И они побежали. Надо было как можно скорей проскочить то место, где борются волны.

Вода доходила уже Славке до пояса, когда на них надвинулась новая волна. Она закрыла собой всё море и полнеба и всё росла, росла, горбилась. Ещё немножко — и она накрыла бы их с головой. Но тут Андрей скомандовал:

— Прыгай!

И рванул Славку за руку. Славка подпрыгнул, и волна не захлестнула их. Она немножко оттащила их к берегу, но тут же они съехали с неё, как с горки, и встали на ноги.

— Ух, здорово! — закричал Славка. Он был в восторге.

А волна столкнулась с другой, позади них. Значит, опасное место они уже миновали. Теперь Славка знал, что надо делать. Когда подкатывалась волна, он подпрыгивал, ложился

на неё грудью, а когда волна проходила под ним, скатывался с неё. Это было удивительно хорошо.

— Ух!

Когда волна была уж очень высока, Андрей помогал ему. Он всё время держал Славку за руку, и Славке вскоре надоело это. «Что я, маленький, что ли?» — подумал он и потихоньку высвободил руку. Теперь стало вольготнее и прыгать и брызгаться.

— Иди, иди, я не боюсь тебя! — кричал Славка волне. И вместе с Андреем бросался к ней навстречу.

«А почему волны так горбятся, — подумал Славка, — может, у них внутри что-нибудь есть?» Он опустил лицо в воду и открыл глаза. Но увидел лишь зеленовато-серую муть да какие-то травинки и песчинки, которые метались, неслись куда-то...

— Прыгай! — услышал он голос Андрея.

Славка поднял голову и увидел прямо перед собой огромную волну. Увидел, как Андрей бросился к нему и схватил его за руку. Но подпрыгнуть они не успели. Волна сбила их с ног, накрыла с головой и понесла неизвестно куда...

Славка затылком ощутил дно. Потом волна перевернула его. Он попытался поскорей встать. Но первым встал Андрей и рывком вытащил его.

Едва они успели глотнуть свежего воздуха, как новая волна снова опрокинула их. Где верх, где низ — понять было нельзя. Их крутило так, словно они были мячики.

И снова рывок брата. Снова глоток свежего воздуха. А кругом кипела и клокотала вода. Она словно взбесилась. И не было никаких сил устоять против неё. Да Славка и не успел толком почувствовать дно под ногами, как их в третий раз швырнуло, опять завертело, закрутило... Только бы не захлеб-

нуться! Ещё бы вдохнуть хоть немножко воздуха! Но в рот лезет вода — горькая-горькая.

«Сейчас мы утонем, — мелькнуло у Славки в голове, — и тогда нам обоим попадёт от мамы». Едва он это подумал, как волна схлынула, и они с Андреем остались лежать на песке.

Скорей бы выбраться на берег! Но где там! Волна бежала обратно в море и тянула, тянула за собой...

Судорожно цепляясь руками и ногами за гладкое дно, Славка и Андрей изо всех сил старались удержаться на месте, но песок под их руками сползал вместе с ними в море. Новая волна уже не крутила их. Она выбросила их на берег, и тогда они поползли. Встать же было сил. Андрей всё ещё держал Славку за руку, хотя опасность уже миновала. Только выбравшись на сухое место, он медленно разжал пальцы.

Лежали молча. Не хотелось не только говорить, но даже шевелиться.

Послышались чьи-то шаги. Славка поднял голову. По берегу шёл рыбак, держа под мышкой вёсла. Поравнявшись с ребятами, он замедлил шаг.

— Не вздумайте купаться, — сказал он.

— А что — нельзя? — спросил Славка.

— А вы что, не видите? На море шторм.

— Видим.

— Ну то-то. — И рыбак пошёл своей дорогой.

— Одевайся, одевайся скорей, — сказал Андрей.

Поднявшись на косягор, Андрей и Славка оглянулись. Как и прежде, мерно катились волны. Но теперь мальчики знали, какую страшную силу они таят в себе. С ними шути, да остерегайся!

— А шторм — это буря? — спросил Славка.

— Буря, — ответил Андрей.

— А мы купались.

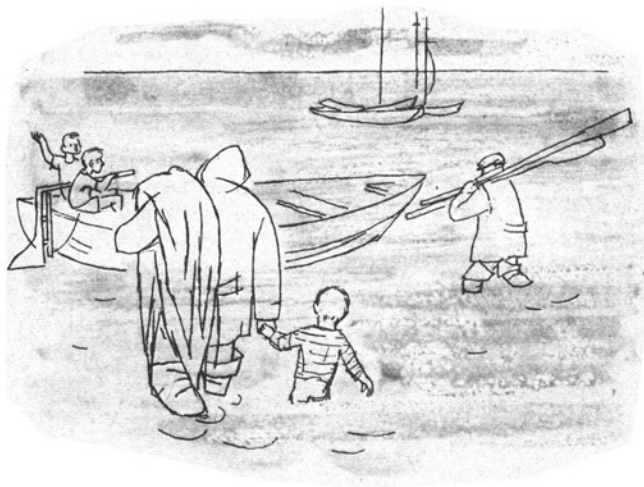
— Ты ещё маме расскажи! — сказал Андрей и нахмурился. Они уже подходили к посёлку, когда на тропинке появился Вадька. Майку он уже снял и размахивал ею, как физкультурным флажком.

— Вы что, уже купались? — спросил он.

У Славки заблестели глаза. Ему ужасно хотелось сказать: «Да, купались!» Сказать, что на море огромные волны, с дом, что все их боятся, а они с Андреем не испугались. Но тогда Вадька обязательно полезет в море. И Славка промолчал.

— На море шторм, — сказал Андрей, — купаться нельзя.

С РЫБАКАМИ

Вадькин дед, Лука Иванович, старенький, но он всё ещё рыбачит в колхозе. Мальчики не раз просили его взять их с собой в море ловить рыбу. А дедушка всё отговаривался: подождите, успеете.

Но вот однажды вечером дедушка сам сказал им:

— Завтра пойдём кефаль ловить.

Славка даже подпрыгнул от радости. Они с Андреем тут

же побежали домой и стали собираться. Положили в сумку еду, налили воды целую флягу. Хотя в море воды полно, но она солёная и пить её не станешь. Потом завели будильник, чтобы зазвенел, когда надо, и легли спать.

Славка всё ворочался и ворочался, а потом стал слушать, не остановился ли будильник.

— Ты спи,— сказал Андрей,— а то в море носом клевать будешь.

Славка свернулся в комочек и вроде и не спал, а будильник уже зазвенел. Было ещё темно, и вставать ужасно не хотелось.

— Может, я один пойду? — сказал Андрей.

— Нет-нет! — Славка вскочил, оделся.

В некоторых домах уже светились окошки. Горел огонёк и в Вадькином доме.

Мама проводила их до калитки.

— Смотрите без баловства,— сказала она,— а то никогда отпустить не буду!

Славка и Андрей пообещали и побежали к дедушке. А там их уже ждали: Вадька, дедушка Лука и ещё какой-то рыбак, его звали дядя Гриша.

Дедушка Лука перекинул через плечо сети, дядя Гриша взял вёсла, и они стали спускаться к морю.

У берега было очень мелко, поэтому рыбацьи лодки — колобушки — стояли на якоре где-то далеко, в темноте их и видно не было.

На рыбаках были высокие резиновые сапоги, они сразу зашлёпали по воде, а Вадька с Андреем стали засучивать штаны, чтобы не замочить их.

Было очень тихо, лишь потревоженная ногами вода ласково журчала да дедушкины сапоги, увязая в иле, вдруг начинали чавкать. Вода скоро дошла Славке до колен, стала подниматься выше, а они всё шли, шли... Наконец показались коло-

бушки — слева и справа, целое стадо. Казалось, они спали, уткнувшись брюхом в мягкое дно.

— Идите сюда! — позвал дядя Гриша. Он шёл впереди и теперь уже возился возле одной из колобушек.

Все быстро забрались в лодку и, отталкиваясь вёслами, стали пробираться между другими колобушками. Вода была чёрная и казалась бездонной. На самом же деле всё ещё было мелко, потому что днище лодки нет-нет да и чиркало по песку.

На берегу слышались негромкие голоса. Это и другие рыбаки собирались выйти в море.

У горизонта чуть-чуть посветлело. Пока плыли по бухточке, было спокойно, но как только вышли на простор, потянул ветерок, и колобушку стало покачивать. Славка держался руками за скамью и раскачивался вместе с колобушкой — раз-два!.. А Андрей стоял рядом. Ветер дул ему в лицо и развеивал волосы. Хорошо!

Колобушка — она как ореховая скорлупа, такая же пуганая.

— Быстро на ней не пойдёшь, — говорил Вадька, — но зато даже большой волны она не боится. Переваливается с боку на бок, словно уточка, и хоть бы что.

Вадька сидел на руле, как настоящий рыбак. Куда захочет, туда колобушку и поведёт.

— А я думал, мы на моторке пойдём, — сказал Андрей.

— На моторке кефаль не возьмёшь, — сказал дедушка. — Кефаль больно пуглива. Чуть слышит шум и тут же уходит в море.

Стало быстро светать. Звёзды сразу куда-то попрятались, и только самые большие всё ещё виднелись бледными пятнышками.

— Держи вон на тот мысок, — сказал дедушка Вадьке.

Мимо них медленно плыл извилистый берег, бурый от вы-

горевшей на солнце травы. Только узкая кромка у самой воды была светлой.

Дядя Гриша грёб размашисто. Он был, должно быть, очень сильный. За всё время дедушка только раз сменил его. Славке дядя Гриша не нравился — почему, он и сам не знал. Может быть, потому, что он всё время молчал и даже ни разу не взглянул ни на него, Славку, ни на Андрея с Вадькой, словно их и не было в колобушке.

На горизонте из моря брызнули жёлтые, оранжевые, багряные лучи, а потом показался огненный краешек солнца. И сразу всё ожило. Откуда-то налетели чайки, с шумом и криком стали носиться над головой.

— Причаливай,— скомандовал дедушка Лука.— Будем здесь пробовать.

Берег был песчаный. Песок чистый, приглаженный. Пока взрослые курили, ребята вдоволь набегались по нему, разминая затёкшие в лодке ноги.

Передохнув немного, принялись за дело. Вадька взял конец каната и остался у берега. Лодка стала отходить в море, а дедушка травил с неё канат; а когда канат кончился, стал травить сеть. Травить — это постепенно отпускать, сбрасывать в воду. У дедушки это ловко получалось. Сбросит кусок сети, и она сразу идёт под воду. Только верхний её край — подбора — остаётся на воде, потому что к ней приделаны поплавки. И тут же, словно ваньки-встаньки, на поплавках поднимаются почти метровые стояны — палки, между которыми натянута лёгкая сетка — фартук.

Славка хотел было спросить, для чего нужен этот фартук, ведь рыба по воздуху не плавает, но все были заняты делом, и он промолчал. Впрочем, скоро он и сам всё увидел.

Описав полукруг, колобушка причалила к берегу. Теперь на ней оставался только конец другого каната. Все сошли в во-

ду и, стоя в ней по грудь, стали за оба каната подтягивать сеть к берегу. Вадька помогал тянуть дедушке, а Андрей дяде Грише.

Славке тоже хотелось тянуть, но он был маленький и ему вода дошла бы до самой макушки. Пришлось подождать, когда подтянут поближе к берегу.

В воде метались тёмные спинки рыб. Неожиданно одна рыбина выпрыгнула из воды, но, ударившись о фартук, шлёпнулась обратно. А другая перемахнула через ограду и ушла в море.

— Перепрыгнула, перепрыгнула! — закричал Славка.

— Ничего, все не перепрыгнут, — сказал дедушка Лука, — что-нибудь и нам останется. Ты вон смотри-ка, чтобы они ни-зом не ушли. Прижми нижнюю подбору ногой, наступи на неё.

Сеть уже была недалеко от берега, и Славка сам видел, как одна рыбина поднырнула под неё и тоже ушла. А другая легла в ямку и ждёт, когда сеть пройдёт над ней.

— Ах ты хитрющая!

Славка бросился к рыбе и поддел её ногой. Вздывая брызги, он бегал возле сети и там, где нижняя подбора отходила от дна, наступал на неё. Потом и Андрей, оставив канат, стал помогать ему.

Вскоре сеть вытянули на берег. В ней билось десятка три рыбин, длиной с полметра каждая. Славка схватил одну.

— Андрей, Вадь, смотрите какая! Ой, ой, держите!

Рыбина вдруг рванулась из Славкиных рук и чуть было не усккала обратно в море. Хорошо, Вадька успел подхватить её.

— Видели, как прыгает? — не унимался Славка.

Всю кефаль выбрали из сети и покидали в мешок. Сеть сложили в колобушку и стали делать новый заход. И опять тянули сеть, и опять прыгала кефаль. Рыба ловилась неплохо, и всем было весело. А дядя Гриша всё торопил:

— Побыстрей, ребята, побыстрей! Нам бы только косяк не прозевать.

И вот, когда снова закинули сеть, даже Славка увидел, что на этот раз попадётся очень много. Вода впереди сети прямо закипела от рыбы. Кефали — теперь уже по две, по три штуки — сразу выпрыгивали из воды, надеясь перескочить через фартук.

— Тяни-и, тяни-и! — кричали все, даже дедушка Лука. И все тянули. Азарт удачи прибавлял сил.

И вдруг, когда сеть уже вытянули на мелководье и до берега оставалось всего несколько метров, вся кефаль, словно сговорившись, ринулась к берегу.

— Тяни-и, уйдёт! — закричал дедушка Лука. И вовремя.

Натолкнувшись на берег, кефаль резко изменила направление: одни рыбы метнулись вправо, другие — влево, стараясь обойти сеть по сторонам.

— Тяни-и-и!..

Опустевшую было сеть рывком подтянули к берегу, и лишь немногим рыбинам удалось уйти.

— Вот это рыба! Вот это рыба! — кричал Славка. — Она то туда, то сюда, меня чуть с ног не сбила. Несётся как ошалелая.

— Если тебя поймают в сети, — смеясь, сказал дедушка Лука, — ты тоже будешь носиться как ошалелый.

— А одна через меня перепрыгнула, — сказал Вадька.

— А мне во, прямо в живот ткнулась, — сказал Андрей. — И чуть в карман не залезла.

— А ты держи карман шире, — сказал дядя Гриша. Теперь даже он улыбался.

В этот раз кефали попало больше сотни. Её уже не считали, а просто складывали в мешок, на дно колобушки. Да чего считать — только время терять. Надо было спешить, пока рыбий косяк не ушёл.

Но когда снова вытянули сеть, в ней оказалось всего лишь несколько рыбин.

— Ушёл, ушёл косяк,— ворчал дядя Гриша.

— Не уйдёт, от нас не уйдёт,— возражал дедушка Лука.— Рыбачье дело такое — раз густо, раз пусто.

Сделали новый заход. Сеть ещё не вытянули до конца, но все уже знали, что опять ничего не попадётся, потому что ни одна кефалина не выпрыгнула из воды.

Азарт прошёл, да и усталость брала своё. Поэтому тянули еле-еле.

Неожиданно в сети показалось что-то тёмное, какой-то непонятный ком. Ком этот вдруг разделился на два маленьких комочка и один большой, всё это метнулось в сторону, два маленьких успели проскочить под сеть, а большой запутался в ней.

— Тяни-и, тяни-и! — закричал дядя Гриша.

Подхлестнутые этим криком, все налегли и в одно мгновение вытащили сеть на берег.

Улов был совсем необычный. Распластавшись на песке, перед ними лежал дельфин. Большущий, больше Славки. Чёрная спина блестела на солнце, как атлас. Славка обошёл вокруг.

— Ух ты какой!

Славке очень хотелось дотронуться до дельфина, погладить, но он не решался. Кто его знает, вдруг как махнёт хвостом! Ведь Славка в первый раз видел дельфина.

— Дедушка, а там были ещё два маленьких, те, что удрали.

— Это детёныши,— ответил дедушка Лука.

— И как угораздило к нам попасть! — удивился дядя Гриша.

— Детёнышей кормила.

— А как же они теперь без мамки будут жить? — спросил Славка.

Дедушка молчал.

— Вон, вон они! — вдруг закричал Андрей.

Все разом обернулись. Действительно, две тёмные фигурки подплыли почти к самому берегу. Из воды показалась мордочка одного детёныша, но тут же дельфинята круто развернулись и ударились обратно в море. Через минуту они снова показались и снова ушли на глубину.

— Мамку, мамку ищут!

— Дедушка, дядя Гриша, давайте её отпустим!

— Они же пропадут без неё!..

Просили все: Славка, Вадька, Андрей. А лежавшая на песке «мамка», должно быть, тоже понимала, что её детёныши погибли без неё. Она вдруг застонала — сначала тихо, потом громче, — застонала как человек. И из глаз её потекли слёзы, настоящие слёзы.

— Она плачет, дядя Гриша, дедушка Лука, она плачет!

— Давайте отпустим!..

— Ну, хватит вякать! — сказал дядя Гриша. — Не затем мы сюда пришли, чтобы отпускать всё, что поймали. А из неё можно два пуда жира натопить. — И он толкнул дельфина сапогом.

— Нехорошо это, — сказал дедушка Лука, — у неё детёныши.

— Ну и что — детёныши?

В голосе и во взгляде дяди Гриши было что-то жёсткое, злое. Он вдруг сорвался с места:

— А, что я с вами тут разговариваю!

Быстро подошёл к колобушке, выдернул из уключины весло, намереваясь одним ударом прикончить животное.

— Дяденька, не убивай её, не надо, не надо! — закричал Славка.

— Дедушка, не вели ему! — Андрей и Вадька бросились к дельфину и загородили его.

— А ну разойдись, а то ненароком по затылку зацеплю! — И дядя Гриша замахнулся веслом.

— Григорий, не тронь! — сказал дедушка Лука и шагнул вперёд.

— Да ты что, старый, с ума спятил? Ты что, как и эти мо-
локососы, нюни распустил? Я же говорю, из неё два пуда жира
натопить можно.

— Не тронь, — повторил дедушка Лука.

Они стояли друг против друга — два рыбака: один старый, с морщинистым лицом и седеющей головой, другой молодой, высокий, жилистый, — стояли, пристально глядя друг на друга. Ребята притихли, ожидая, кто победит. И победил дедушка Лука. Весло медленно опустилось.

— Не хочешь — не надо, — глухо сказал дядя Гриша. — Я как чуял, что с тобой каши не сваришь. И не хотел идти рыбачить. Ну, а теперь можете без меня.

Он снова подошёл к колобушке, вышвырнул из неё сумки с едой и, оттолкнув колобушку, вскочил в неё:

— Счастливо оставаться!

И, резко взмахивая вёслами, погнал колобушку прочь.

Все молча проводили его взглядом.

— Дурной человек, — наконец тихо сказал дедушка Лука.

— А как же мы теперь домой доберёмся? — спросил Славка.

— Как-нибудь доберёмся. Тут километрах в трёх дорога проходит. По песку-то трудноато будет идти, ну да что поде-
лаешь! А там попутная машина подвезёт.

Дедушка полез в карман за папироской, но потом, спохва-
тившись, взялся за сеть.

— А ну, ребятки, помогите.

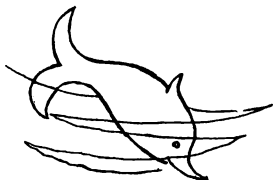
Вчетвером оттащить дельфина обратно в море было не трудно. «Мамка» всё ещё стонала и лежала не шевелясь. Но когда вода накрыла её, она вдруг встрепенулась, плеснула сильным хвостом и как-то сразу ушла на глубину.

— Она своих маленьких найдёт? — спросил Славка.

— Найдёт, должна найти, — ответил дедушка.

Они постояли ещё немножко, ожидая, не покажутся ли дельфины — все втроём. Но никто не показывался. Море было спокойно и нежно искрилось на солнце, словно радуясь за всё дельфинье семейство.

Ребятам тоже было радостно. И немножко грустно.

ЛИПКА И ЛАПКА

Минька слышал всё. Сначала папа и мама уговаривали Федю, потом папа ругал его, а мама плакала, потом снова уговаривали. Но Федя твердил своё — уеду, всё равно уеду.

Федя — старший брат Миньки. Он только что окончил школу и собирается уехать куда-то далеко-далеко, в какую-то там Сибирь. Федя очень здорово рассказывал Миньке, как он будет строить плотины, электростанции.

Но Миньке тоже не хочется, чтобы Федя уезжал. Минька будет очень скучать без него. Если Федя уедет, они не увидятся год, а может, два...

Губы у Миньки дрожат, ещё немножко — и он расплачется. Но Минька не хочет, чтобы кто-нибудь видел его слёзы. И он бежит в сад, в дальний угол, где кудрявые липы и старый клён отгораживают сад от поля. Он ложится на землю и, уткнувшись носом в траву, горько плачет.

«Ну чего, чего он там не видал? — думает Минька. — Река широченная? Ну и что? У нас тоже есть речка Випрейка — чем плохая? А если на ней сделать запруду, то и она станет широкой».

Вот если бы ему сказали: «Минь, поезжай», — нипочём бы не поехал.

— Ж-ж-ж-жаль! — раздалось где-то совсем близко. Минька прислушался. — Ж-ж-ж-жаль! — послышалось громче.

Минька поднял голову. Низко над землёй летел жук — лохматый и страшный. Летел медленно и сердито ворчал:

— Ж-ж-ж-жаль!

— Много ты понимаешь! — сказал ему Минька и отвернулся.

Прилетела пчела, покружила над Минькой.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил её Минька.

Но пчела села на цветок и... словно в рот мёду набрала.

Прилетел ветер и тоже ничего не сказал. И только липы своими листьями зашептали:

— Хорош-ш-о, хорош-ш-о...

А что хорошо, Минька так и не понял. Потом ветер подул сильнее, липы зашумели громче, замахали ветвями, и на землю полетели листики. Они были зелёные, и Минька удивился: ведь было лето, а листья всегда падают осенью — жёлтыми.

А потом мимо него по гладкой тропинке кто-то промчался быстро-быстро, так что Минька даже не успел разглядеть. А вот и ещё. И Минька увидел: сидя попарно на зелёных листочках, как на санках, мчались крошечные человечки.

— Дорогу!.. Эгей, посторонись! — кричали человечки.

И вдруг — стоп! Одни зелёные санки натолкнулись на ком земли и кувыркнулись набок.

Минька протянул руку и поднял санки вместе с человечками.

— Ой, дяденька, отпусти скорей! — закричали человечки. — Мы так торопимся!

— А я вовсе не дяденька, — сказал Минька, — я просто Минька. А вы кто такие?

— Мы?.. Человечки переглянулись. — Да разве ты не знаешь? Мы семена липы. Я — Липка.

— А я — Лапка.

— Во-о-н оно что, — протянул Минька. — А куда же вы спешите?

— А пока ветер, мы хотим укатить подальше.

— Зачем? — удивился Минька.

Липка и Лапка снова переглянулись.

— Вот чудак! — сказали они. — На земле есть такие места, где ещё не растёт ни одно деревце и где не сеют ни пшеницы, ни гороха, даже картошки с морковкой и то не сажают.

— Ну и что? — спросил Минька.

— Ха-ха! — засмеялись Липка и Лапка. — Да там, на просторе, разрастутся молодые липки ух как! В жару станут давать тень, а в непогоду будут останавливать холодный ветер. Нам бы только добраться туда!

— А мой брат Федя тоже хочет уехать, — сказал Минька.

— И правильно, — сказали Липка и Лапка.

— Почему?

— А ему тоже простор нужен. Так все делают. Вот спроси у клёна. Его семена тоже скоро улетят на самолётках.

— Это я знаю,— сказал Минька,— кленовые самолётки здорово летают.

— А спроси одуванчика,— продолжали Липка и Лапка.— Вот он, видишь, как надулся? Тоже готовится лететь.

— А я, когда подрасту, тоже уеду? — спросил Минька.

— Конечно! — воскликнули Липка и Лапка.— Сядешь на зелёный листик — и... до свиданья!

— Ой, ой, кажется, ветер поднимается! — вдруг спохватились Липка и Лапка.— Скорей опускай нас на землю.

— Пожалуйста,— сказал Минька и опустил санки на середину гладкой дорожки.

Ветер и в самом деле стал сильнее. Он порывисто налетел, подхватил санки с мальчишками и понёс.

— До свиданья! Попутного ветра! — крикнул им Минька.

— До свиданья-а!.. — ответили мальчишки и скрылись из виду.

Минька долго ещё прислушивался, но ничего не было слышно, лишь говорливо шумела на ветках листва.

Минька встал и пошёл к дому.

Брата он увидел в проулке. Федя был немножко грустный. Минька обхватил его и прижался крепко-крепко.

— Ты тоже против меня? — спросил Федя улыбнувшись.

— Нет, нет, я за тебя,— сказал Минька,— ведь мы с тобой два брата. Я — Липка, а ты — Лапка.

— Это ещё что? Опять фантазируешь?

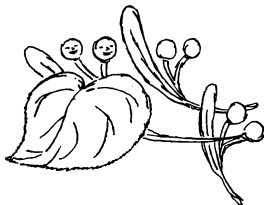
— Нисколько,— сказал Минька.— Липка и Лапка — это...

Он хотел рассказать Феде, как встретил липовых мальчишек, как разговаривал с ними, но Федя уже не слушал. Он потрепал Миньку по вихрастой голове и пошёл в сад.

«Пошёл проститься»,— подумал Минька.

Завтра укатит Федя в далёкие края, и он, Минька, крикнет ему вдогонку:

— До свиданья, Федя! До свиданья, Лапка! Счастливого тебе пути и попутного ветра!

ТЕРЁШКА

Подскакивая на выбоинах, автобус неторопливо пылил по просёлочной дороге. Когда попадались глубокие колдобины, шофёр сбавлял газ, и всё проходило благополучно — автобус мягко опускался и медленно выезжал из колдобины. Но иногда шофёр зевал, тогда машину резко подбрасывало. Чтобы не ушибиться, пассажиры судорожно хватались за что попало.

Под задним сиденьем грохотал несложный шофёрский инвентарь: лопата, ведро, ломик, гаечные ключи.

От толчка пыль вздымалась под самую крышу автобуса и потом медленно оседала на одежду, на лица пассажиров. Неприятный запах пыли сразу лез в ноздри. Пыль чувствовалась на губах, скрипела на зубах, но на неё никто не обращал внимания.

Почти все места в автобусе были заняты. Тут ехали: женщины — молодые и не очень, в платочках, завязанных по самые глаза; старичок со смешной бородкой и очками, которые он почему-то поднимал всё время на лоб; полный мужчина с портфелем — он всю дорогу дремал и ни с кем не разговаривал. Сзади сидело трое парней — должно быть, трактористы; они то спорили о каких-то прицепах, то над чем-то громко смеялись.

В проходе были навалены корзины, чемоданы, мешок, набитый чем-то мягким, другой — с арбузами — лежал прямо на сиденье.

Алёшка сидел возле окна и смотрел на степь, стараясь ничего не пропустить. Ему всё было интересно. Так далеко он ещё никогда не ездил.

Несколько раз совсем рядом пролетела сорока. Ух и красивая! Грудка и бока белые-белые, а головка, шея, спинка и крылья — чёрные, блестящие. Но больше всего Алёшке нравился сорочий хвост. Он как большущий веер, тоже чёрный с сине-зелёным отливом.

Увидел Алёшка и степного орла. Раскинув крылья, орёл висел высоко в небе и оттуда высматривал, что бы сцапать. Он очень глазастый, этот орёл, и с такой высоты видит всё на земле. Если даже маленькая мышка пробежит, он и её увидит.

А степь просторная-просторная. Они уже едут больше часа — и всё степь. И ровная как стол. Ни холмика, ни деревца.

только возле дороги изредка попадаются жиденькие кусты со-
лодки и жимолости. Листья пожелтели и покрылись толстым
слоем пыли.

Вся степь тоже серо-жёлтая, хлеба́ на ней давно уже убра-
ли; куда ни глянешь, торчит лишь ёжик стерни. Это после жат-
вы осталось. А по ней, по этой стерне, тут и там лениво катят-
ся тёмно-бурые колючие шары перекаати-поля.

— Пап, а куда они катятся? — спрашивает Алёшка.

— Куда ветер подует, туда и катятся,— отвечает отец.

— А зачем?

— Хочешь знать? — повернувшись к Алёшке, спросил ста-
ричок и блеснул стёклышками своих очков.

Алёшка кивнул.

— Перекаати-поле, брат, знаешь какое хитрое! Растёт себе,
растёт, потом ему надоедает торчать на одном месте, тогда оно
отламывается от корешка и отправляется в путь-дорогу. Ты
вот на автобусе да на поезде путешествуешь, а перекаати-поле
катится само по себе, ну и заодно свои семена разбрасывает.
Чтобы новые перекаати-поле выросли.

Бурые шары катились и катились по степи. Алёшка смот-
рел на них, и ему вдруг представилось, что перекаати-поле —
это он сам, лёгкий и упругий, катится, подпрыгивает и снова
катится, и видно ему то голубое небо, то колючая стерня, то
опять небо. Перестал дуть ветерок — остановился, переменил-
ся ветер — покатился в другую сторону...

Автобус свернул налево, и Алёшка увидел вдаль, почти у
самого горизонта, тёмную фигурку всадника. А рядом с ней
совсем маленькую — собаку. Присмотревшись, Алёшка увидел
и большущее стадо овец. Они были серо-жёлтые, под цвет
стерни. Поэтому совсем сливались со степью.

— А почему пастух на лошади караулит? — спросил
Алёшка.

— Наверно, с лошади видней, тут видишь...— отец не говорил.

Автобус снова здорово трянуло, кто-то охнул, кто-то заругался. Под задним сиденьем снова с грохотом раскатились инструменты. Алёшка больно ударился лбом о стекло и сразу зажмурился.

— Арбуз держи! — крикнул пассажир сзади.

Что-то стукнуло, и когда Алёшка открыл глаза, один из трактористов уже поднимал с полу большущий арбуз. Витиеватые трещины разбежались по всей корке, и розовый сок, словно умывая арбуз, уже сбегал книзу.

— Эх, какой арбуз пропал, — сказал тракторист и передал арбуз хозяину.

— Ничего, — сказал тот, — у меня в мешке ещё два.

— Вы его ешьте скорей, а то всё равно не довезёте, — сказала женщина, на коленях которой лежала кошёлка тоже с чем-то бьющимся.

— Дельное предложение, — сказал владелец арбуза.

Он достал из кармана большой перочинный нож, раскрыл его и стал быстро разрезать арбуз на куски и раздавать всем пассажирам.

— Да вы сами ешьте, — говорили те.

— Хватит и мне. В нём вон килограммов восемь будет.

С таким доводом никто не мог не согласиться. От пыли у всех першило в горле, и этот арбуз сейчас, как никогда, был кстати.

Алёшка одним из первых получил большущий кусок. Арбуз был сладкий и сочный. Все ели и похваливали, особенно полный мужчина — когда стали раздавать арбуз, он сразу пронулся.

— Спасибо шофёру, — смеясь, сказал старичок. — Если бы не трянуло, мы бы не попробовали арбуза.

Владелец арбуза заулыбался. Он отрезал большой кусок и попросил передать водителю. Но тот наотрез отказался.

— Некогда, и так опаздываем,— сказал он и прибавил газу.

Дорога пошла ровная, и автобус лишь слегка потряхивало.

Алёшка уже заканчивал свой кусок, как вдруг сидевший на первом сиденье пассажир громко сказал:

— Смотрите-ка, лиса!

— Где, где?

— Да вон, впереди.

— Верно, верно, лиса...— зашумели пассажиры.— Ух, какая!

Алёшке мешали головы взрослых. Он вскочил на сиденье и тоже увидел лису. Она стояла совсем рядом с дорогой, возле разросшихся кустиков, и словно бы поджидала автобус. Рыжая — нет, огненно-красная, передние ноги длинные, хвост большущий, пушистый.

Автобус быстро приближался к ней, и все ждали, что лиса вот-вот убежит. Но она и не думала: насторожив уши и повернув острую мордочку, внимательно присматривалась.

— Вот нахалка, совсем ничего не боится,— сказала сидящая впереди женщина.

— Хочет, чтобы мы её подвезли. Ишь как смотрит!

— Так она знакомых своих или родственников высматривает,— смеясь, сказал старичок.

Лиса была совсем близко, и пассажиры, те, что сидели слева, чтобы лучше её разглядеть, привстали с мест.

— Хороша, просто красotka! А хвост, хвост-то!..

Лиса словно и сама понимала, как она хороша, и по-прежнему красовалась у всех на виду. Она не убежала, даже когда автобус поравнялся с ней. Она была всего в десяти шагах.

— Терёшка, мой Терёшка! Остановите! — вдруг отчаянно

закричал Алёшка. Он перескочил через колени отца, через чемодан и бросился к двери.

— В чём дело? — всполошились все. — Какой Терёшка?

— Остановите, дяденька, ну пожалуйста!

— Ну, правда, остановите же! — крикнул один из трактористов.

— Да чего останавливать, подумаешь, невидадь! — заторопил полный пассажир. — Жми дальше!

А шофёр уже резко затормозил, и дверца открылась. Но лиса больше не оставалась на месте. Она мгновенно шмыгнула в кусты, только хвост мелькнул.

Алёшка прыгнул на землю, перескочил через канаву, убежал за кусты и остановился в удивлении. Перед ним по-прежнему была ровная-преровная степь. Ни бугорка, ни канавки, только шары перекасти-поля потихоньку катились, подгоняемые ветром. А лисы нигде не было.

— Терёшка! Терёшка! — позвал Алёшка.

Он заглянул в кусты, но там даже места не было, чтобы ей спрятаться. Следом за Алёшкой прибежали отец и тракторист. Они тоже с удивлением осматривали степь.

— Где же она? Может, нора поблизости?

Но Алёшка уже увидел, где лиса. По степи катилось два шара перекасти-поля. Один — обыкновенный, а за другим почему-то волочился рыжий хвост.

И Алёшка закричал:

— Вон, вон она! Вон хвост торчит!

— Вот хитрющая! — вскрикнул отец и, по-ребячьи сунув в рот два пальца, резко свистнул.

Испугавшись, лиса метнулась в сторону и помчалась по степи.

— Эх, жаль, ружья нет, — сказал тракторист.

То, что нет ружья, поняла и лиса. Она вдруг приостанови-

лась, словно говоря: «Ну что, ловко я вас провела?» Потом не спеша потрусила в сторону.

— Терёшка! Терёшка!..— продолжал звать Алёшка. Но лиса больше не оборачивалась, словно и не слышала.

— Ну как, поймал Терёшку? — спрашивали пассажиры, когда Алёшка вернулся к автобусу.

— Нет,— грустно сказал Алёшка.

— Ну и рыжая бестия,— усмехаясь, сказал тракторист.— Перекасти-поле катится, а она забежала за него и рядышком — трух-трух... Её и не видно. Да только длинный хвост выдал.

— Почему же ты лису Терёшкой зовёшь? — спросил старичок Алёшку.

— А я весной ему лисёнка поймал,— сказал Алёшкин отец.— В степи. Ватником накрыл, так в ватнике и принес. Крошечный, а зубки острые. Дома собака есть, Тереком зовут. Ну, а лисёнка Терёшкой назвали.

— Он всех боялся и прятался,— сказал Алёшка,— а ко мне привык. Я ему еду приносил, воды в корытце наливал. Он высунет мордочку, быстро-быстро поест и опять спрячется.

— А потом ты его выпустил? — спросил старичок.

— Он сам. Подкопал землю и удрал. Пап, верно, это он был? — спросил Алёшка.— Вот и дедушка сказал, что он знакомых высматривал. Значит, меня.

Все рассмеялись.

— Зайцы,— сказал водитель,— мне почти каждый день попадают, особенно вечером. За день дорога сильнее нагревается, вот они и сидят на тёплом. Ну, а лису в первый раз вижу.

— Если пришла погреться,— сказал старичок,— значит, старушка. Старушки любят на печке греться.

— Да и старички тоже,— усмехнувшись, сказала пожилая женщина.

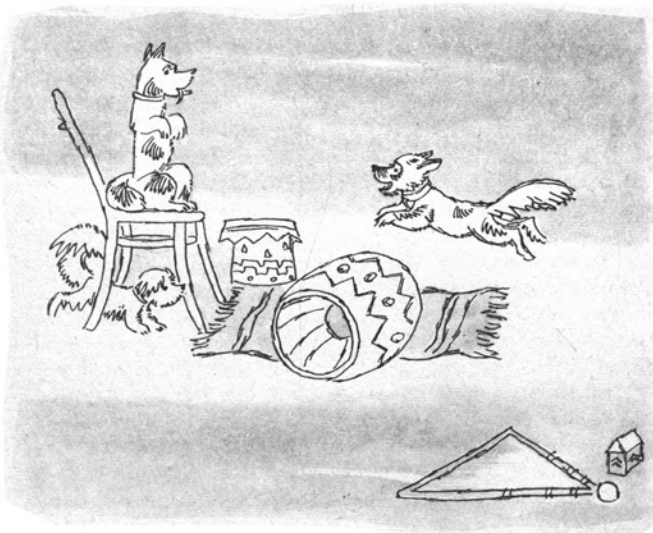
— Нет, это была молодуха,— вступились парни.— Вон какая красотка! Пришла себя показать и людей посмотреть.

Автобус катил, дрожа и покачиваясь. Позади него поднималась лёгкая завеса пыли.

Алёшка по-прежнему смотрел на степь.

«Что же ты не узнал меня, Терёшка? — думал он.— А может, это был не Терёшка? Может быть. Только всё равно очень смелая и хитрая лиса. А что ей тут нужно было, у лисы не узнаешь. Может, взаправду ей захотелось себя показать и людей посмотреть?»

ВИНТИК-АРТИСТ

Когда Винтик стал артистом, он не помнил. Но те предметы, с которыми ему приходилось выступать на сцене, он знал давно. Особенно небольшой бочонок без дна. Ещё щенком он любил с ним играть. Разбежавшись, Винтик вскакивал на него. От толчка бочонок катился, а он, не удержавшись, соскакивал на пол и заливисто лаял.

Если это происходило во время репетиции, хозяйка — Ма-

рия Ивановна — хватала его мягкими и очень добрыми руками и сажала к себе на колени. Когда же Винтик был от неё далеко, она грозила ему пальцем. Тогда Винтик быстро прятался в бочонок. Но через секунду высовывал любопытную жёлтую мордочку, проверяя, сердится на него хозяйка или нет.

Хозяйка не сердилась, и Винтик, выскочив из бочонка, набрасывался на вечно дремавшего у батареи кота Фомку. Фомка недовольно потягивался и, чтобы отвязаться от Винтика, прыгал на подоконник.

Кроме Винтика, у Марии Ивановны было ещё две собачки. Чёрный с жёлтыми подпалинами, старый, ворчливый, всегда и всем недовольный, но очень исполнительный Франтик. Винтик его немного побаивался. Вторая — Кнопа, беленькая, пушистая. Она была бы совсем похожа на ком ваты, если бы не лохматый и очень подвижной хвост. Кнопа была курноса и очень нравилась Винтику.

Сколько Винтик помнил себя, репетиции шли каждый день. Рано утром в комнату, где находились он, Кнопа и Франтик, входила Мария Ивановна, по очереди брала их на руки, спрашивала, здоровы ли. Затем, взяв с подоконника палочку, какие бывают у дирижёров, садилась в старенькое кресло и приступала к репетиции.

— По местам,— спокойно говорила она и требовательно стучала палочкой.

Франтик первый быстро усаживался на своей скамеечке. Кнопа же долго ещё кружила, в надежде, что ей удастся избежать репетиции. Кнопа была чрезвычайно ленива: вместо того чтобы перепрыгнуть через барьер, она подбегала и преспокойно пролезала низом. Виновато глядела на Марию Ивановну, но, подбежав ещё раз к барьеру, снова подлезала.

Мария Ивановна не только никогда не наказывала, но даже не кричала на своих питомцев.

— Ах ты безобразница, опять ленишься? — обычно говорила она. — А ну, давай ещё разок!

И этот «ещё разок» иногда повторялся очень много раз, пока, наконец, Кнопа не начинала перепрыгивать.

Иногда Франтик помогал Марии Ивановне. Видя, что Кнопа не желает прыгать, он подбегал к ней, сердито рычал и даже покусывал. И это действовало на Кнопу. После вмешательства Франтика она работала веселей и ленилась меньше.

Когда Винтик подрос, оказалось, что он очень способный ученик. Ходить на задних лапках, танцевать вальс в обнимку с Кнопой, прыгать сквозь кольцо и через барьеры, даже делать сальто-мортале он научился быстро. Но самым трудным для него оказалось просто сидеть на скамеечке и ждать своей очереди, пока, скажем, Кнопа не выберет нужного цвета флажок или Франтик не принесёт нужную табличку с цифрой.

У Винтика не хватало терпения и выдержки усидеть на месте. Он соскакивал и пытался всё это проделать сам. Франтик сердито ворчал, а Мария Ивановна, сделав Винтику выговор, водворяла его на место.

Наконец Винтик научился сдерживать себя и точно выполнять все трюки по требованию Марии Ивановны. Тогда его стали брать на концерты, где он выступал вместе с Кнопой и Франтиком.

Концерты бывали не каждый день. Но по тому, как Мария Ивановна ходила по комнате, как собирала вещи, Винтик всегда безошибочно догадывался о предстоящем концерте и начинал беспокойно кружить по комнате. Когда же Мария Ивановна объявляла, что пора ехать, он первый влезал в дорожный чемодан с решёткой для воздуха.

За кулисами собачек выпускали из чемоданов. Здесь Винтиком овладевало страшное нетерпение. Его неудержимо тянуло на сцену, где всё было залито ярким светом, звучала

музыка, гудел зрительный зал. Мария Ивановна с трудом удерживала его на месте. Когда же приходило время выхода, он с весёлым лаем также первый вылетал на сцену.

Спустя полгода, зная его пристрастие к бочонку, Мария Ивановна сделала ему самостоятельный номер. Номер заключался в следующем: Винтик вскакивал на лежавший бочонок и, перебирая лапками, катился на нём; докатившись до стены, он быстро поворачивался, и бочонок катился в обратную сторону.

— Хватит баловаться, — говорила затем Мария Ивановна и прогоняла Винтика.

Сделав вид, что обиделся, Винтик недовольно усаживался рядом с Кнопой и Франтиком. А Мария Ивановна, поставив бочонок, уходила. Но когда через секунду она возвращалась, бочонок уже лежал на боку, а собачки как ни в чём не бывало сидели на своих местах.

— Кто повалил? — спрашивала Мария Ивановна. Но все три собачки одинаково тянули к ней мордочки и вертели хвостами.

— Винтик, Винтик! — кричали дети, когда этот номер уже шёл в концерте.

— Неужто Винтик? — притворно удивлялась Мария Ивановна. — Сейчас проверю. — И, сделав несколько шагов к кулисе, она оборачивалась. А Винтик — это, конечно, он валил бочонок — не успевал сесть на своё место.

— Ах, это ты, проказник, балуешься? — нарочито сердито говорила Мария Ивановна. — Вот я тебя сейчас накажу — посажу на цепь! Ты у меня больше не будешь баловаться! — И она надевала на него ошейник с цепью.

Вот тут-то и начиналось самое интересное. Дети — а зрители, перед которыми выступал Винтик, почти всегда были дети — с нетерпением ждали, что же будет дальше.

Как только Мария Ивановна уходила со сцены, Винтик

сбрасывал через голову ошейник, валил бочонок и, вернувшись на своё место, просовывал голову обратно в ошейник. Возвращалась Мария Ивановна и только разводила руками. Винтик преспокойно сидел на цепи, а бочонок по-прежнему лежал на боку.

— Кто же теперь повалил? — спрашивала она.

— Винтик! Винтик! — кричали ребята, особенно малыши из первых рядов.

— Опять Винтик? — удивлялась Мария Ивановна. — А ну покажи, как ты это делаешь?

И при дружном смехе всего зала Винтик показывал: он снова сбрасывал ошейник, валил бочонок и, подбежав к своему месту, опять надевал ошейник.

Этот номер больше всего нравился зрителям. И по окончании номера ребята горячо и долго аплодировали.

Винтику было два года, когда в его жизни произошла большая перемена. Как всегда, после концерта его принесли домой в специальном чемодане. Выскочив из чемодана, он и узнал и не узнал свою комнату. Все вещи были те же, в этом Винтик сразу убедился, обнюхав их, но стояли они как-то по-другому.

Там, где раньше стоял диван, теперь стоял стол; там, где стоял стол, находился шкаф. Старенького кресла, в котором обычно сидела Мария Ивановна во время репетиции, вообще не было. Позже Винтик нашёл его в коридоре. А бочонок без дна, разные мячи, барьеры, колечки, палочки и всякие другие предметы, к которым он так привык, исчезли совсем.

Но что больше всего удивляло и тревожило Винтика, это то, что ни Франтик, ни Кнопа с концерта не вернулись. В ожидании их Винтик бегал по комнате, не находя себе места, всё осматривал и обнюхивал.

А время шло. Наступил вечер, а потом и ночь. Франтик и

Кнопа так и не вернулась. Когда в доме все уснули и наступила тишина, Винтик перестал бегать из угла в угол, сел на задние лапы, поднял вверх мордочку и заскулил — сначала коротко и тихо, потом громче и длинней.

Скулил он на высокой ноте жалобно и долго. Дремавший кот Фомка приподнялся и удивлённо посмотрел на Винтика зелёными, немного светящимися в сумраке глазами. Потом прошёлся по комнате, как бы соображая, что ему делать, но, видимо ничего не придумав, снова улёгся у тёплой батареи. А Винтик всё скулил.

За стеной послышался шорох, затем шаркающие шаги, и в комнату вошла Мария Ивановна.

— Что ты, что ты, дурачок! — сказала она, беря его на руки. — Скучаешь? Я тоже скучаю. Придётся потерпеть...

Она гладила его пухлой, как у детей, рукою, и от этой ласки Винтику стало не так грустно. Потом, спустив его на пол, Мария Ивановна ушла. А Винтик снова заскулил, но уже не так громко — усталость всё же брала своё. Побродив немного по комнате, он подошёл к Фомке, постоял, как бы в раздумье, потом опустился рядом с ним... От Фомки шло такое же тепло, как когда-то от Кнопы и Франтика, и, пригревшись, Винтик скоро уснул.

Сквозь сон ему слышались какие-то звуки. Одно ухо его приподнималось, прислушивалось и снова опускалось. Иногда ему ясно слышались голоса Кнопы и Франтика. Тогда он вскакивал, радостно лаял в ответ, но, убедившись, что никого нет, снова опускался рядом с Фомкой.

Так в тревогах прошла ночь. Пришло утро, потом пришёл обычный час репетиции, но репетиция не начиналась. Винтик несколько раз подбегал к Марии Ивановне, но та, как видно, не собиралась начинать. Тогда он встал на задние лапки и заглянул ей в глаза.

— Ну что ты стоишь? — улыбнувшись, сказала Мария Ивановна и потрепала Винтика по шее. — Теперь это ни к чему. Понимаешь, ни к чему. Кончилась наша с тобой работа. Да и сколько можно? Ведь мне уже шестьдесят шестой пошёл, понимаешь ли ты, глупый пёс, что это значит? А сейчас мне дали пенсию. Мне бы давно нужно уйти на покой, да, пока были силы, работала. Трудно оставить сцену, ой как трудно! Да что тебе говорить, ты всё равно ничего не поймёшь.

Винтик действительно ничего не понимал из того, что говорила Мария Ивановна. Ему было просто приятно, что с ним разговаривают. Но особым собачьим чутьём он начинал уже понимать, что в его жизни наступила окончательная перемена.

Тишина этого дня была нарушена шумной толпой людей, ввалившихся в комнату. Они громко говорили, целовали Марию Ивановну, а когда ушли, в комнате осталась хрустальная ваза с живыми цветами и мраморная собачка величиной с Кнопу. Винтик подошёл к ней, понюхал, но от неё тянуло холодом, и он отошёл.

С этого времени у Винтика пошли скучные, похожие один на другой дни. Первое время он слонялся по всей квартире, не зная, чем заняться. Но потом всё чаще и чаще стал укладываться рядом с Фомкой у батареи. Странная дремота овладевала им. Сквозь эту дремоту иногда возникали перед ним смеющиеся лица детей, глаза — много блестящих глаз, смотревших на него; Кнопа, не желавшая прыгать через барьер; ворчливый Франтик...

Но чаще всего он видел бочонок. Бочонок катился из стороны в сторону, как бы зовя Винтика покататься на нём. Но Винтику почему-то было трудно подняться. Он лишь поворачивал голову за бочонком вправо, влево... Потом и это стало ему тяжело, и он следил за ним одними глазами.

Дни шли, и видения стали приходить всё реже и реже и не

так явственно. Теперь Винтик больше лежал и, положив голову на лапы, безучастно смотрел в одну точку.

Мария Ивановна забеспокоилась, несколько раз носила его в дом, где все люди были одеты в белые халаты. Они ошупывали, осматривали его со всех сторон, заставляли пить неприятную жидкость. Но Винтику ничего не помогало.

Ярко, по-январски светило солнце, бросая косые лучи сквозь замороженные окна. Мария Ивановна прямо с улицы, не снимая шубы, прошла в комнату. Шуба не успела нагреться, и от неё веяло свежестью и холодком.

— Хватит тебе лежать, лежебока,— сказала она, обращаясь к Винтику,— идём скорее в гости к твоим старым друзьям — Кнопе и Франтику. Они сейчас тут, рядышком, выступают в клубе.— И недолго думая она схватила Винтика и сунула к себе за пазуху.

От напоминания о Кнопе и Франтике Винтик встрепенулся. На одно мгновение перед ним возникли милые образы его друзей. Но образы эти вдруг расплылись, стали неясными, а потом, словно растаяв, исчезли совсем. И Винтик успокоился.

На улице он высунул наружу один только нос и зажмурился от яркого света. Морозило. Боясь поскользнуться, Мария Ивановна шла очень тихо. Когда подошли к клубу, возле него уже никого не было.

«Концерт, наверно, начался»,— подумала Мария Ивановна. Но прежде чем войти в клуб, она подошла к огромной афише, висевшей у входа. С боков афиши на неё глянули лукавые мордочки обезьянки, лисички, косолапого мишки, а посредине афиши было написано крупными буквами: «Цирк на сцене. Дрессированные животные Анны Стрельцовой».

На Винтика афиша не произвела впечатления. Сидя под тёплой шубой, он просто её не заметил. Но он и не догадывался, сколько воспоминаний она всколыхнула у его хозяйки.

«И у меня были такие афиши»,— подумала Мария Ивановна. И перед её глазами вдруг всплыла и заслонила Анну Стрельцову её самая первая афиша. Теперь на Марию Ивановну смотрели не зверюшки, а тоненькая, как тростинка, девочка со светлыми кудряшками и смелыми глазами. Девочка держалась руками за трапецию, висевшую под куполом цирка. И вдруг всё ожило, зашевелилось. Трапеция вместе с девочкой стала раскачиваться всё больше и больше. Один миг — пальцы девочки разжимаются, и она летит над бездной. Секунда — и она крепко схватила новую трапецию.

А вот другая афиша: в центре огромный шар. На нём та же девочка — только уже старше, девушка — быстро перебирает ногами, и шар катится по арене. «Точь-в-точь как Винтик на бочонке»,— думает Мария Ивановна.

Одно за другим проходят перед её глазами видения прошлого. Вот она стоит на скачущей лошади...

Под шубой кто-то зашевелился. Это Винтик. Ему надоело сидеть в тесноте. И афишный мираж рассеялся. На Марию Ивановну по-прежнему смотрели весёлые зверюшки и крупные буквы: «Анна Стрельцова».

— Что же это я стою? — спохватилась Мария Ивановна.

Концерт в клубе уже шёл. Зайти за кулисы до окончания концерта она не решилась. «Не буду мешать»,— подумала она и вошла в зрительный зал.

— Смотрите, смотрите, собачка, да какая смешная! — громко зашептали две девочки, и сразу десяток голов обернулось в их сторону.

— Тише,— оборвал девочек чей-то голос.

Мария Ивановна поспешила сесть. И все стали смотреть на сцену.

Там в это время Анна Стрельцова (для Марии Ивановны она была просто Анечка) — молоденькая, подвижная — легко

и свободно двигалась вдоль авансцены, держа на оголённой руке попугая.

— А ну, попочка,— говорила она,— теперь покажи ребятам, как они смеются. Ну что же ты молчишь? Ты же слышишь, как они смеются?

— Ха, ха, ха, ха! — вдруг резким, немного скрипучим голосом засмеялся попугай.

В зале тоже раздался смех. Попугай засмеялся ещё звонче и заразительнее. Скоро вместе с ним смеялись уже все зрители.

— Ну, а теперь будь вежливым, попрощайся с ребятами,— сказала Стрельцова.

— Здравствуй! — выпалил попугай.

— «Здравствуй» говорят при встрече. А когда прощаются, говорят: «До свидания». Скажи ребятам: «До свидания».

— Здравствуй! До свидания! Хочу чаю! Хочу чаю! — затараторил попугай.

Дружный смех и аплодисменты заглушили его последние слова.

Как только Винтик очутился в зрительном зале и услышал смех детей, он сразу преобразился. Куда девалось его дремотное оцепенение! Приподнявшись на лапках, он внимательно осмотрелся. В его глазах вдруг снова засветился живой огонёк. Одно ухо то поднималось, то опускалось. Он заволновался и беспокойно переминался с ноги на ногу. Когда же после попугая на сцену выскочили Кнопа и Франтик, его словно ветром сдуло с колен Марии Ивановны. С радостным лаем он ринулся к сцене.

— Смотрите, смотрите, ещё одна! — зашумели ребята и повскакали с мест.

Мария Ивановна тоже вскочила, желая схватить Винтика, но он уже был возле сцены. Она постояла в нерешительности и опустила в кресло.

Тётянька, вы артистка? Ваша собачка тоже будет выступать? — спросил её сидевший рядом мальчик.

— Будет,— машинально ответила Мария Ивановна, не спуская глаз с Винтика.

А он уже бегал по сцене и, как бы здороваясь с Кнопой и Франтиком, обнюхивал их.

Стрельцова была озадачена этим неожиданным вторжением и хотела удалить Винтика со сцены. Но он вертелся вьюном, лаял, потом вдруг, подпрыгнув, перекувырнулся через голову и, встав на задние лапки, заглянул ей в лицо.

Зрители зааплодировали. И Стрельцова, немного подумав, оставила его на сцене. Она знала о его способностях и о том, как хорошо он обучен цирковому искусству.

И Винтик стал выступать вместе с Кнопой и Франтиком. Он очень старался. Но длительное отсутствие репетиций всё же сказалось. Он не столько работал, сколько мешал Кнопе и Франтику. Но делал всё с таким азартом и так задорно, что зрители от души смеялись и аплодировали.

Едва кончился номер, Мария Ивановна поспешила за кулисы, но навстречу ей уже бежала Аня Стрельцова. Она обняла Марию Ивановну и, подхватив под руку, помогла ей подняться по лестнице.

— Как вы меня удивили! Смотрю — Винтик! Прямо-таки ворвался на сцену. Вот что значит артист! А вы его с собой на пенсию!.. Ну как же так?..

— Да, да,— растерянно соглашалась Мария Ивановна.

Распахнув дверь, они вошли в артистическую. Их появление было встречено весёлым лаем всех трёх собачек.

Они вертелись под ногами, прыгали, всячески выражая свой восторг.

— Смотрите, какой он весёлый,— потрепав Винтика по шее, сказала Аня.

Винтик отлично понимал, что речь идёт о нём. И ему это было приятно. Но он совсем и не догадывался, что в эту радостную для него минуту решалась его дальнейшая судьба: быть ему снова артистом или нет.

— Оставьте его у меня,— продолжала Аня,— ему с нами будет хорошо. Он ведь молодой и такой способный! Да что там, просто талант! Нельзя же ему дома сидеть.

Как ни трудно было Марии Ивановне расстаться со своим любимцем, но она и сама уже понимала, что место Винтика только на сцене. И, словно желая оттянуть минуту расставания, она тяжело опустилась на диван. Винтик, Кнопа и Франтик, отталкивая друг друга, моментально влезли к ней на колени. Каждый старался дотянуться до её лица, чтобы коснуться его своим шершавым язычком.

— Ну что, узнали, разбойники,— улыбнулась Мария Ивановна, обращаясь к Кнопе и Франтику.— Да перестаньте же лезть ко мне со своими поцелуями! — И, схватив в охапку всех собачек, она спустила их на пол.— Идите погуляйте.

Собачки подбежали к Стрельцовой, но та была занята сборкой реквизита. И через минуту они снова были возле Марии Ивановны.

— Скучали по вас,— сказала Стрельцова,— первое время места себе не находили. Франтик совсем было есть перестал, а Кнопа всё бегала и искала по всем углам. Ну, а потом привыкли.

— Ах, Анечка,— вздохнула Мария Ивановна,— мне бы твои годы! Разве бы я рассталась с ними?! Ты же знаешь, они как малые дети: надо их покормить, напоить, сводить погулять. А там репетиции, концерты... Целый день на ногах. А силы уже не те!

— Вот и отдыхайте, не огорчайтесь...

— Ладно! Видно, так лучше будет...— сказала тихо, скорее

себе, чем Стрельцовой, Мария Ивановна и встала. Собачки тоже вскочили и беспокойно забегали по комнате.

— А вы что повскакали? — стараясь придать строгость своему голосу, сказала Мария Ивановна. И вдруг, порывисто схватив Винтика, поцеловала его прямо в холодный нос. Потом поцеловала Кнопу и Франтика и, приподняв дверцу дорожного чемодана, посадила всех в чемодан.

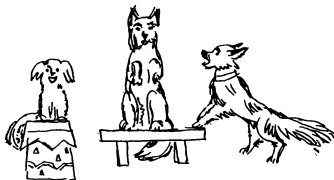
— Вы оставляете Винтика? — словно не веря своим глазам, спросила Аня. — Вот хорошо! И не забывайте нас, заходите почаще!

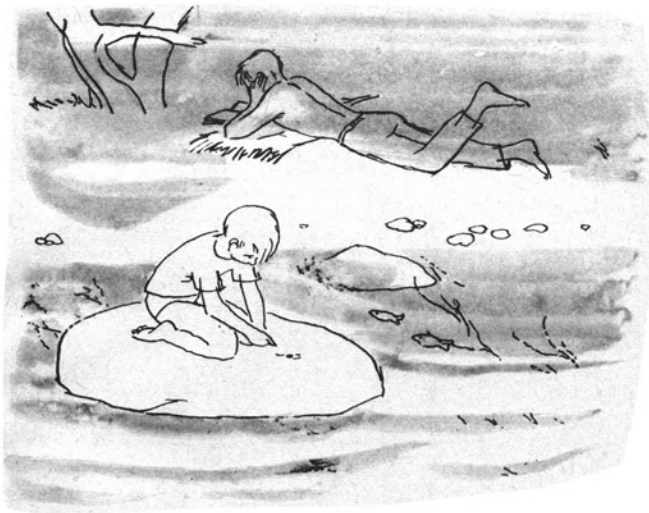
Видя, что Мария Ивановна собирается уходить, она засуетилась.

— Подождите, я вас провожу! — И, схватив шубку, выбежала следом за Марией Ивановной.

А Винтик, прижавшись в тесном чемодане к Кнопе и Франтику, всё ещё не мог успокоиться после концерта и встречи с друзьями. Он ещё не знал, что Мария Ивановна ушла. Весело повизгивая и поворачивая мордочку то к уху Франтика, то к уху Кнопы, он словно делился с ними своей радостью.

Всегда и всем недовольный Франтик на этот раз не ворчал, хотя сидеть втроем в тесном чемодане было неудобно. Что же касается Кнопы, та была просто в восторге. Подняв кверху курносую мордочку, она не сводила с Винтика глаз, словно боясь, что он снова исчезнет.

КОРАБЕЛЬЩИКИ

Было очень тихо. Море светилось нежно-изумрудным цветом и казалось спящим. Лишь когда всплёркивала рыба или вдруг налетал ветерок и гнал по воде морщинки, море пробуждалось. На нём вдруг вспыхивали десятки солнечных зайчиков, они скакали с места на место, словно играли в дразнилки. Это море улыбалось Славке. А Славка улыбался морю.

Он стоял на краю щербатого камня, размахивал руками, словно собираясь броситься в воду, но не бросался. Купаться одному не хотелось, а Андрей лежал под деревом и читал книжку. Книжка, должно быть, была интересная — Славка несколько раз звал Андрея, но тот не слышал.

Покачавшись немного на камне, Славка лёг на него животом и стал смотреть в воду. У берега она была уже не изумрудная, а густо-зелёная и удивительно прозрачная. Каждый камешек и каждая песчинка на дне были отчётливо видны. Огромный валун оброс зелёным мхом. А там, где было поглубже, со дна поднимались такие же зелёные водоросли.

К берегу подплыла стайка крошечных рыбёшек. Славка опустил руку и чуть было не поймал одну. Испугавшись, стайка метнулась к водорослям и скрылась в них, словно в дремучем лесу.

Потом откуда-то из-за камня выполз краб. Славка побаивался крабов. Нашупав возле себя камешек, он бросил его в воду. Краб побежал быстро-быстро и как-то бочком. Славка бросил ещё камешек. Тогда краб затормошился на одном месте, вода замутилась, а когда снова стала прозрачной, краба уже не было. Он то ли спрятался за камень, то ли закопался в песок.

Возле самого берега плавали какие-то круглые семена величиной с орешек. К каждому семечку был прикреплен зелёный листик, как настоящий парус.

— Ой, кораблики! — сказал Славка. Он поднял один.

Интересно, а кто там внутри? Корабельщики? Ну конечно! Крошечные-прекрошечные. Когда подует ветер, они вылезут наружу, поднимут зелёный парус и поплывут далеко-далеко.

Славка взялся за кончик паруса и опустил кораблик в море.

— А ну, плыви! — сказал он и разжал пальцы. Но кораблик не хотел плыть, и парус тут же лёг на воду.

— Ветра нет, а я — плыви! — засмеялся Славка. Он снова поднял кораблик и окликнул брата: — Андрей, смотри, что у меня!

— Не приставай, — отмахнулся Андрей.

— Интересно? — спросил Славка, подсаживаясь рядышком. — Почитай, а? Ну, Андрей, почитай!

— Ты всё равно не поймёшь.

— Ну, пойму... Мне ведь тоже хочется.

— Ладно, слушай: «Свистать всех наверх! — закричал капитан громовым голосом. — Поднять бом-клеввер и фок! Да пошевеливайтесь!»

— А что такое этот «бом» и «фок»? — спросил Славка.

— Ну вот, я ж тебе говорил, что не поймёшь. Бом-клеввер и фок — это паруса так называются на старинных кораблях.

— А у меня тоже есть кораблик, — сказал Славка. — Во, видишь? И парус. А внутри корабельщики сидят, маленькие...

— Внутри зёрнышко, — сказал Андрей.

— Много ты понимаешь!

— Ну-ка дай. — Андрей взял из Славкиных рук семечко и вдруг — хруп! — под его пальцами оно раскололось.

— Что ты наделал! — закричал Славка.

— Вот видишь, там зёрнышко.

— Там были корабельщики! Они теперь разбежались, поэтому ты их и не увидел.

— Ну хорошо, пусть корабельщики, ты только не плачь. Тут вон их сколько, твоих корабликов, валяется. А на дереве ещё больше.

— Они здесь растут? — удивился Славка.

Приглядевшись, он и в самом деле увидел, что в густой

листве дерева, под которым лежал Андрей, полно таких корабликов. Но до них не дотянуться, потому что дерево очень высокое. А влезть на него тоже не так-то просто. Ствол гладкий, без единого сучка. А кроме того, с одной стороны, с северной, ствол покрыт тёплой шубой из зелёного мха. Славка даже провёл по ней рукой. Шуба была пушистая, мягкая. Полезешь — обязательно попортишь её. Да и зачем лезть? На земле тут и там валялись уже опавшие с дерева кораблики. Славка подобрал их и опустил в море.

Потом они с Андреем долго купались. Вода была тёплая, как парное молоко,— вылезать не хотелось.

Дома за ужином Славка рассказал маме о своих корабликах.

— Он всё выдумывает,— засмеялся Андрей.

— Тебе не нравится — не слушай,— сказала мама. Сама она слушала внимательно и, как показалось Славке, очень даже ему поверила.

Легли спать, когда было уже темно. Славке не спалось, и он долго лежал с открытыми глазами. Потом закрыл и тут же открыл, но в комнате уже было светлее. Это взошла луна. Тополь возле дома зашумел сначала тихо, потом всё сильнее и сильнее. Ветер... А как же кораблики? Они поднимут паруса и уйдут в море?

И Славке вдруг очень захотелось посмотреть на них. Стараясь не разбудить маму и Андрея, он потихоньку встал и через открытое окно вылез на улицу. Сначала шёл крадучись, а потом побежал по знакомой тропинке.

Вот и море. До самого неба на нём лежит светлая полоса — лунная дорожка. Бегут небольшие волны, и дорожка блестит, переливается.

А вот и дерево, на котором растут кораблики. Но что это?! Откуда-то раздался странный свист. Славка остановился.

На всём берегу не было ни души, и ему стало страшновато. Свист повторился. Сук на дереве закачался, и на землю прыгнул странный человек. Вместо волос на голове у него были листья, и борода из листьев, а вместо рук — суковатые ветки.

Человеку было, наверно, зябко. Он подошёл к стволу дерева, снял с него моховую шубу и, словно плащ, накинул себе на плечи. А потом стал на камень, на тот самый щербатый камень, на котором Славка стоял днём. Весь подавшись вперёд, человек взмахнул рукой.

«Это главный корабельщик», — почему-то сразу решил Славка. Он ждал, что корабельщик закричит громовым голосом, как тот капитан из книжки, которую читал Андрей. Но главный корабельщик стал отдавать команду тихо, и голос его походил на шум листвы.

— Свистать всех наверх! Поднять паруса! — пронеслось по берегу.

Славка подкрался к самой воде и вдруг увидел, как паруса его корабликов стали медленно подниматься из воды. Самих корабельщиков он не видел, ведь они такие маленькие! А луна хоть и светила, но было не очень-то светло. Паруса поднимались всё выше и выше. Вот уже первые кораблики стали отчаливать от берега, а за ними ещё и ещё... Десять... двадцать... сто... Целая флотилия.

— Счастливого плавания! — глухо прокричал главный корабельщик и замахал ветвистыми руками.

— Счастливого плавания! — тихонько сказал Славка.

Ветер крепчал, и зелёная флотилия уходила всё дальше и дальше. Вот она пересекла лунную дорожку и затерялась среди волн. А главный корабельщик всё ещё стоял на камне. Потом он резко повернулся и подошёл к дереву. Сбросив с плеч зелёный плащ, повесил его на место, на ствол дерева. Затем

ловко, словно обезьянка, вскарабкался наверх и скрылся в листве. Только руки его — ветки — с самой макушки дерева всё ещё махали на прощанье.

Славке стало почему-то очень грустно без корабликов. Он постоял немного и тоже пошёл домой.

Проснулся он, когда было уже совсем светло. Проснулся и никак не мог понять: приснилось ему, что он ночью был у моря или всё это правда так было? Он всё очень ясно помнил, не помнил только, как шёл домой и как влезал обратно в окно.

Тополь возле дома шумел — значит, ветер настоящий. А как же кораблики?

Славка вскочил, быстро натянул рубаху и припустился к морю.

Дерево корабельщиков было на месте, да и что с ним могло случиться? А кораблики?

Добежав до шербатого камня, Славка взглянул вниз. Ни одного! Ни одного кораблика на воде не было. Значит, не приснилось! Значит, они уплыли!

Славка посмотрел вдаль, к горизонту, но ничего, кроме волн, не увидел. А дерево корабельщиков всё ещё махало ветками, словно оттуда, с макушки, главному корабельщику видно было зелёную флотилию.

Славка подошёл к дереву. Моховой плащ, который надевал на себя главный корабельщик, был на месте. Славка попробовал тоже его снять, но не тут-то было — он крепко прирос к стволу.

Подобрав с земли опавшие за ночь кораблики, Славка осторожно, стараясь не повредить зелёные паруса, опустил их в море.

— Свистать всех наверх! Поднимать паруса! — негромко скомандовал Славка. Но его команды никто не слушал, и паруса лежали на воде.

И всё же кораблики не стояли на месте; подгоняемые ветром, они стали медленно отходить от берега.

— Счастливого плавания! — закричал Славка. Он был уверен, что корабельщики только при нём не хотят поднимать паруса, а там, в открытом море, они поднимут свои зелёные паруса и поплывут далеко-далеко, в неведомые края.

СОДЕРЖАНИЕ

Вовка-пограничник	3
В шторм	14
С рыбаками	21
Липка и Лапка	31
Терёшка	36
Винтик-артист	44
Корабельщики	57

Для младшего школьного возраста

Бароздин Виктор Петрович. ЛИПКА И ЛАПКА

Рассказы

Ответственный редактор Л. Р. Баруздина. Художественный редактор Б. А. Дектерев. Технический редактор Г. А. Подольная. Корректор Л. М. Короткина.

Сдано в набор 29/XI 1967 г. Подписано к печати 20/III 1968 г. Формат 70 × 92¹/₁₆. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. (Уч.-изд. л. 2,89). Тираж 150 000 экз. ТП 1968 № 200.

Цена 10 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 1710.

